

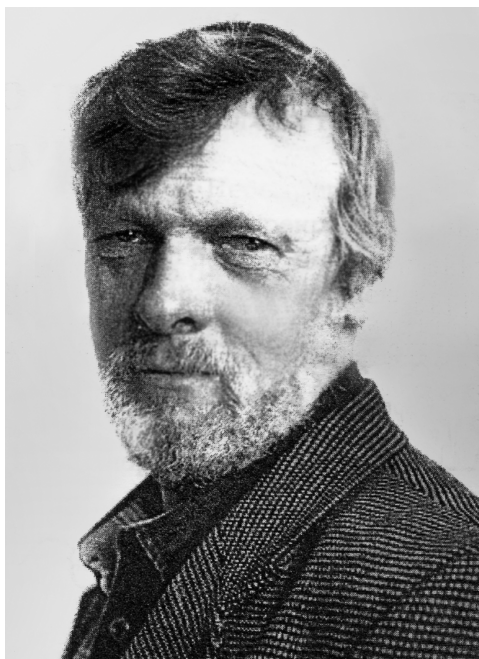
2001. № 3–6. Фармазоны перестроечных дней: Беседа с писателем Л. Мешковой // Слово. 1991. № 4.

Лит.: Баранова Л. Душа и слово: О Владимире Личутине // Лит. учеба. 1981. № 4. С. 116–125; Его стихия — Поморье: О Владимире Личутине // Лит. Архангельск. 1920–1980 / сост. Б. Пономарев. Архангельск, 1982. С. 177–179; Павлов Н. Постоянство ориентиров; Липовецкий М. Обновление? // Лит. обозрение. 1984. № 2. С. 35–39; Дюжев Ю. Древо памяти // Север. 1988. № 3. С. 114–120; Бондаренко В. Пространство души (Владимир Личутин) // Бондаренко В. «Московская школа» или эпоха безвременья. М., 1990; Стрелкова И. Предел // Наш современник. 1990. № 6. С. 178–186; Афанасьев А. Опыт печали и счастья. О прозе В. Личутина // Подъем. 1993. № 2. С. 179–185; Субачев В. Из белой горницы в Беловодье // Север. 1993. № 7. С. 139–141; Архипов Ю. Человек-словарь: «Раскол». Метаисторический роман В. Личутина // Книжное обозрение. 2000. № 22; Березовский Н. Третий — лишний. К 60-летию В. Личутина // Лит. Россия. 2000. № 34; Ковтун Н. В. Социокультурный миф в совр. прозе: Творчество В. Личутина. Красноярск, 2002.

Т. М. Вахитова

ЛОГИНОВ Александр Александрович [27.8.1948, Мончегорск Мурманской обл.] — поэт.

Отец — вепс, уроженец Мягозерского р-на Ленинградской обл., рабочий; мать — русская, родом из крестьянской семьи, проживавшей в Каргопольском р-не Архангельской

А. А. Логинов

обл. По свидетельству самого поэта, до 6-летнего возраста путешествовал вместе с родителями: Тихвин, Волховстрой, Украина и, наконец, г. Каргополь, где прошли школьные годы. Затем — учеба в Ярославском автомеханическом техникуме (1963–66), Брянском техникуме физической культуры (окончил в 1976) и вновь — поездки по стране. Об этом времени Л. говорит так: «Первая половина моей жизни помотала меня достаточно по свету: от берегов Крыма до архангельских широт» (Сквозь сумерки. С. 5). В разные годы работал слесарем, сторожем, маляром, токарем, корреспондентом районной газ. В 1985 Л. окончил Лит. ин-т им. А. М. Горького. Член СП России. Последние 20 с лишним лет живет в Каргополе, руководит лит. объединением.

На формирование личности и лит. пристрастий Л. оказали влияние рассказы матери, насыщенные образами фольклорных преданий и быличек, народной языческой демонологии, позже — знакомство с русским писателем и философом В. С. Сафоновым, литературоведом и критиком Ал. Михайловым. Интерес к русской классике, возникший еще в школьные годы, сформировал вкусы Л., определил круг его лит. приоритетов: это поэзия А. Блока, И. Анненского, М. Волошина, Н. Заболоцкого, В. Ходасевича, В. Набокова, сказы П. Бажова, проза А. Платонова и Б. Шергина.

Стихи начал писать сравнительно поздно, в 25-летнем возрасте, но уже первые поэтические опыты Л. привлекли к нему внимание читателей, издателей и лит. критиков. Первая публикация — в коллективном сб. «По первопутку» (Тула, 1977). Затем в 1982 подборка стих. Л. появилась в ж. «Лит. учеба» (№ 4) и вызвала высокую оценку известного поэта Ю. Кузнецова. Первый сб. — «**Два света**» — вышел в Москве в 1984. В 1986 книга лирики Л. «**Голубиный колодец**» печатается в Архангельске, а в следующем году подборка стих. публикуется в коллективном сб. «У северных широт» (М., 1987). Стих. Л. печатают ж. «Октябрь», «Москва», «Наш современник», «Север».

Уже ранней лирике Л. присущи напряженный драматизм, экспрессия, образная выразительность, заставляющие вспомнить мощь голоса молодого Маяковского, лирический напор П. Васильева. При этом Л. не подражателен, худож. строй его поэзии отражает органические свойства личности поэта. По природе поэтического дарования Л. — лирик, причем лирик *par excellence*. В предисл. к сб. Л. «Два света» Ал. Михайлов, отмечая

яркий лирический темперамент поэта, подчеркивает: «Сила в нем корневая, устойчивая, земная, глубинная, севернорусская» (С. 3). В творчестве Л. 1970–80-х преобладают эмоционально-чувственное восприятие явлений жизни, пантеистическое, языческое мироощущение. Стихийный хаос таинственных природных сил словно проникает в душу, в плоть и кровь лирического героя, делая его частичкой этого вечного и постоянно меняющегося мира природы («Я вырезал себя из корня дуба / Иначе что откуда бы взялось: / И эта речь, сработанная грубо, / И сердцевина высушенная кость»). В лирике Л. оживают деревья, в речных омутах водятся волшебные рыбы, олицетворяются небо («И только небо, словно белый аист, / Еще кружило, крыльями шурша»), ночь («Лишь коготок ночной царапнул по стеклу»), земля, зима, снег («Земля вздохнула и совсем по-женски / Лицом зарылась в глубину снегов»). Земная полнокровная жизнь, наполненная тайной и волшебством, завораживает поэта, сообщает его лирике пафос приятия мира, восхищения перед чудом жизни («И жизнь, как цепь чудес, / Блистает, провисая»; «Живу. И зреет плод на ветви мирозданья, / Тяжелый, тучный плод любви моей земной»).

От сборника к сборнику все отчетливее проявляются индивидуальность и самобытность тематики, интонаций, пафоса, образных средств лирики Л. Значительным событием в жизни поэта и лит-ры Русского Севера стал выход сб. «Сквозь сумерки» (2000), в который вошли стих., написанные в период с 1980 по 2000. Душевная полнота и способность к обостренному восприятию всех явлений жизни обуславливают масштабность и динамичность худож. мира лирики Л., сопрягающего современность, историческое прошлое и вечность, зримость конкретного севернорусского пейзажа и его вписанность в просторы Вселенной. «Я живу в тихом городе, окруженном тайгой», «в российском захолустье», — говорит поэт, и в то же время видит себя живущим «на северном склоне Земли», где «такие созвездья цветут!», где «за горизонт течет земля отцов, во все пределы». Мир, открывающийся ему, «расчищен грозой и огромен, свеж и светел». Почти в каждом стих. Л. встречаются образы неба, иногда метафорически связанные с реалиями земного пейзажа («В дымное небо России грозно вонзается лес»; «за спиною гремит небосток»; «Небесный ледоход. Как сорванные льдины, / Качнулись и пошли на запад облака»; «дымная прорубь небес»), иногда — становящиеся доминантными, определяющими ху-

дож. пространство стих. («И по выжженным пашням в рассветное небо уходит, / Что пылает и молнится — это колокол ангелы льют, / Чтоб под рокот его пролились освященные воды / На засохшие зерна. И пусть они всходы дадут»).

Лирический герой поэзии Л. ощущает себя неразрывно связанным с историей своего рода, народа, Родины, с родной землей. Эта связь передается с помощью сквозных для поэзии Л. мотивов прорастания, слияния, образов дерева, корней, земли отцов: «Я спал на военной дороге, / И пыль покрывала меня. / Врости в поля мои ноги, / А волосы — в ветреность дня»; «Там, где мои губы алели, / Расправилось древо любви. / И в кроне ветвистой шалели / В закатном огне соловьи». Мн. стих. поэта рождены исторической памятью, позволяющей остро пережить и прочувствовать и 22 июня 1941, и жизнь стариков в дальнем скиту «лет этак двести назад», и былинные времена Святой Руси. Эта же память дает ему возможность ощутить взаимосвязь времен, увидеть проступающие в современности черты неизживаемого прошлого, ставшие постоянными характеристиками русской жизни. В лирике Л. с реалиями сегодняшнего дня соседствуют фольклорные образы и архетипы русской национальной культуры.

Одна из наиболее ярких особенностей лирики Л. — предельная динамичность образов; все реалии жизни увиденны поэтом в непрестанном усилии, напряженном движении, переданном яркими образными средствами («И колея, как пряжа, по дороге / Раскручивает дней веретено»; «Голодные травы соленую землю сосут / Со страшною силой, но не иссушают сосуд»; «А воздух океанится, и волны / Несут меня куда-то по спирали»; «Дышит, гуляет, качает Россию / Белое, белое. Белое море...»). Мир в поэзии Л. предстает словно в процессе творения, в разгуле стихий, в напряженной сшибке света и тьмы, огня и воды, жары и мороза: «Бьет в мою грудь, сотрясает меня / Гул молодой восходящего дня»; «Все в мире рвется и трещит / И гонит огненные волны»; «И все, что петь могло, все звуки источало — / И камень, и цветок. И это лишь начало / Пронзительной зари, что словно Божья милость / Из катакомб земли, из всех щелей сочилась».

Лирический герой поэзии Л. при всей своей яркой индивидуальности отмечен и общенациональными чертами, родовыми особенностями русского характера в его мятущейся тоске, устремленности к высшему и осознанию своей малости, самоотвержении и жертвенности, открытости миру и людям. Он целен и в то

же время многолик, его образ складывается из черт, присущих русским богатырям, странникам, сказочному Ивану, чудакам, юродивым, рассудительным «мужикам с головой».

В лирике Л. конца 1990–2000-х все чаще начинают звучать мотивы восприятия мира как Божьего творения, утверждаются незыблемые христианские ценности. Поэт, подобно неоплатоникам, пытается разрешить принципиально важную для него проблему: «Как одолеть зыбкий мирской путь, продираясь сквозь мощные языческие ощущения мира, через идоло- и огнепоклонничество, и обратить лицо свое к свету с Фавора, Божьему Свету, Свету Белому, не растеряв при этом земных плодоносных сил, чтобы твоя материальная, трепещущая плоть ощущала вкус жизни и находилась в гармонии с духовной сущностью человека?» (Сквозь сумерки. С. 6). Этот путь отчетливо осущит в стихах Л. рубежа XX–XXI вв., отражающих тягу поэта к гармонии и чистоте, веру в милосердие Божие («Может, там, в поднебесье, и ястреб железный не свищет, / Божьи твари открыто на солнышке греют бока / И с утра до заката ни разу не встретится нищий, / А к реке подойдешь — так спокойна она, глубока. / Оглядишься вокруг, и тебя не терзают вопросы: / Отчего недороды и церкви стоят без крестов? / Потому что хлеба наливаются золотом. Росы / Отражают в себе Богородицы лик и Христов»).

При разнообразии лирических настроений и интонаций доминирующим в поэзии Л. остаются восхищение перед жизнью, восторг, который вызывает красота мира, обостренно воспринимаемая всеми органами чувств. Негодование, яростный отпор, вызванный состоянием совр. общества («Неужели я этой бесовской истории сын, / замураванный прочно в голодной и нищей России?»; «Надоело смотреть на российские дикие страсти»), сменяются уверенностью в конечной осмысленности и целесообразности мира. В лирике Л. последних лет все чаще звучит мотив приятия жизни: «А жизнь в самом главном всегда хороша, / была бы способна к страданью душа / да было б окно заревое»; «Я мир любил со дня творенья»; «Пусть в небесах вытаскивает млечность / И сыпет сверху звездная капель. / Все впереди, куда Бог и вечность / Рассказывают жизни колыбель».

Л. — один из инициаторов и организаторов поэтических фестивалей в Каргополе, получивших статус всероссийских (2001). Лауреат областной лит. премии им. Н. Рубцова (2000), Всероссийской лит. премии им. Ф. Абрамова (2001). Награжден Министерством культуры РФ знаком «За достижения в культуре».

Соч.: Два света. М., 1984; Голубиный колодец. Архангельск, 1986; Вторая встреча // Лит. учеба. 1988. № 1; Неслучайная встреча. М., 1990; Сеча. М., 1995. Сквозь сумерки. Архангельск, 2000; Час прозрения // Двина. 2001. № 1–2; Стихотворения // Любимые дети державы: Русская поэзия на рубеже веков. М.: Держава, 2002. С. 265–286; Дети окраин // Двина. 2003. № 1.

Лит.: Михайлов Ал. Гласности! // Лит. учеба. 1988. № 1; Попов М. Из тьмы и света рождается слово поэта // Белый пароход. 2000. № 2 (15); Соболев М. Я не верю вечности покоя! // Волна. 2001. 16 янв.; Баранова-Гонченко Л. У карты непокоренной России // Российский писатель. 2002. № 10(37); Доморощенин С. Слышу странные гулы планеты // Правда Севера. 2002. 25 июля; Рудалев А. Гимн ночи // Гиперборей. Северодвинск, 2002. № 4.

Е. Ш. Галимова

ЛОЗИНСКИЙ Михаил Леонидович [8(20).7. 1886, Гатчина — 1.11.1955, Ленинград] — поэт, переводчик.

Л. родился в семье присяжного поверенного, по происхождению дворянина Подольской губ. С детства жил в Петербурге. Окончил Петербургский ун-т в 1909, много путешествовал по Германии, Франции и Италии. Ранние стихи Л. датированы 1907–09, первые публикации — в созданном Л. ж. «Гиперборей» (1912. № 2, 6, 9, 10), в котором Л. поместил также несколько своих рецензий на творчество близких ему поэтов.

«Гиперборей» (1912–13), задуманный редактором-издателем Л. как «ежемесечник стихов и критики», от прочих периодических изданий отличался тем, что здесь отсутствовали традиционные журнальные разделы; «Гиперборей» помещал на своих страницах лишь стихи и рецензии. По жанру это издание больше всего напоминало альманах. «Гиперборей» печатал произведения А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, а также А. Блока, М. Кузмина, И. Эренбурга и др. авторов, мн. из которых стали поэтами первой величины, гордостью Серебряного века русской лит-ры. Всего вышло 10 номеров, после чего издание прекратилось, хотя было несколько попыток возобновить его. Одну из них предпринял И. Эренбург, высоко оценивший «прекрасное начинание петербургского Цеха поэтов» и начавший издавать в 1914 в Париже аналогичный «Гиперборей» ж. «Вечера». В 1921 Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Рождественский и др. поэты выпустили в Петрограде один номер ж. «Новый Гиперборей», они же принялись за издание альм. «Цех поэтов» однако, все попытки развить начинание Л. закончились неудачно.